

НЕРАЗБАВЛЕННЫЙ ОРЛОВЕЦ

(к 85-летию со дня рождения)

Иван Алексеевич Рыжов родился 19 апреля 1936 года в деревне Коровье Болото Урицкого района Орловской области. После службы на военно-морском флоте работал на орловском заводе приборов, с 1961 по 1974 год – в областной газете «Орловский комсомолец»: сначала сотрудником, затем редактором газеты. Первые рассказы были опубликованы в 1964 году, в 1967-м вышли из печати первые сборники «Открытие» (Приокское книжное издательство) и «Под одной крышей» (издательство «Советский писатель»). Тогда же, будучи ещё студентом Литературного института им. А.М. Горького, по рекомендации Е.К. Горбова был принят в Союз писателей СССР.

В последующие годы вышли в свет книги «Последний корень» (1968), «Вратарь Сашка Катуков» (1970), «Кинь грусть» (1971), «Горькая рябина» (1976), «Звёзды в травах» (1984), «Длинные дожди» (1989), «Звезда любви приветная» (1989), «Зеркало» (1992), «Аринкин хутор» (1994), «Позднее свидание» (1996), «Встреча» (2000), «Проза жизни» (2005). Рассказы Ивана Рыжова из книги «Последний корень» были переведены на болгарский язык. Его произведения печатались в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Роман-журнал XXI век» и многих других, включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края XX век». По рассказу писателя «Запах земли» в 1979 году на киностудии «Мосфильм» был снят короткометражный цветной фильм «Блажной».

С 1987 по 1989 год возглавлял Орловскую областную писательскую организацию. Был удостоен звания заслуженного работника культуры России, награждён орденом «Знак Почёта».

Иван Рыжов, известный ярким и точным описанием жизненных ситуаций в миниатюре, был признан одним из лучших мастеров современного рассказа, являлся членом Высшего творческого совета Союза писателей России. Он стал первым лауреатом Всероссийской литературной премии имени И.А. Бунина (1994), был отмечен юбилейной Пушкинской премией администрации Орловской области (1999).

Умер 21 февраля 2006 года, похоронен на Троицком кладбище в Орле.

О замечательном русском писателе Иване Рыжове едва ли кто-то скажет лучше, чем коллеги, хорошо его знавшие, много лет работавшие бок о бок с этим талантливым человеком. И ныне здравствующие, и уже покинувшие сей грешный мир.

Анатолий Загородний:

«Проза Ивана Рыжова располагает к печали, к грусти и думе, высокой думе...

То, как она сделана, вызывает восхищение.

Любопытно, что собственные его восхищения, упования, надежды и радости полны печали.

Это пушкинское – «Печаль моя светла...»

Полагаю, Рыжов также труднопереводим на чужеземные языки, как и Пушкин.

Как всё искони русское, как всякое чисто национальное явление...

<...>

«Кроткий убогий день. Был – не был. Гостил – уехал. На серо-зелёном лугу стоял, прядал, густо ржал золотой конь».

Душа восхищается! Сердце изнывает в сладости!

Что же произошло?

Здесь, наконец-то, пера и бумаги коснулась вечность. Здесь свет и дух побежал... Явился же предвестник, обольститель, создатель! Слова явлены в какой-то первобытной красе и силе, в какой-то заговорённости и заворуженности, когда они были почти одно с природой, с душой, с космосом. Кажется, ещё усилие и они дойдут до той первоизданности, до того состояния, когда слово означало – Бог. И обретут ту силу дыхания, любви и обольщения, которой созидался мир – в свежести и чистоте. Словом он был сотворён!»

Владимир Ермаков:

«Штрихи» Рыжова — улыбка чеширского кота, хлопок одной ладони, они не принуждают к морали, но вынуждают к мышлению. Рыжов вовлекает в восприятие, учит двигаться в пустоте. Непривычный читатель недоумевает: а что мне тут делать? — Живи. — Нет, вы мне скажите, что такое хорошо и что такое плохо! — Сам разберёшься, не маленький... И худо-бедно разбираешься. А рассказчик не столько рассказывает, сколько умалчивает; стоит за плечом и дышит, отточит точку и запнётся на запятой, потопчется на многоточии - и исчезнет, оставляя тебе право досказать всё по-своему».

Юрий Оноприенко:

«И кого нам любить, как не Рыжова? И кому кланяться?»

Когда в доверительном разговоре он кладёт ладонь себе на затылок (то его, только его жест) – это значит, что переполняет Рыжова безмолвный восторг, удивление перед чьей-то ласковой строкой.

Как он умеет восхищаться! Как нежно он говорит об акварельном слове Игоря Лободина... Или о словесной акварели Юрия Казакова – о плавных росписях чувств, тихих и неумирающих, уверенно проросших в вечность, струящихся глубокий запах истины.

По Казакову и Бунину Иван Рыжов различает родные души – так по затеплившимся огням озябший мореход различает родные корабли в плотном безжизненном тумане».

Василий Катанов:

«Много написал Иван Рыжов о деревне печального и горького, с болью и сочувствием – о старушках, глубоко верящих в красоту бытия, не убитых заботами и невзгодами. И нарисовал в творчестве своём солнечный образ России, идя вслед за великим своим наставником И.А. Буниным. <...> Уже первый рассказ «На покосе» из книги «Под одной крышей», написанный по личным впечатлениям, перекликался с «Косцами» Бунина. Но лишь перекликался. Уже в нём царило своё, пережитое-перечувствованное. Иван Рыжов строг к себе, благоговейно влюблён в своего учителя, в то же время питается прежде всего соками жизни, черпает из собственного опыта».

Виктор Дронников:

«Иван Алексеевич Рыжов, русский писатель, мне радостно о тебе писать. И юность, и молодость наша шла рядом, почти по одним тропинкам, одним улицам. <...> Оглядываясь назад, я хотел бы твоим верным читателям и друзьям сказать о тебе не только поздравительные слова, а слова благодарности за верность русской прозе, в которой ты заслуженно занимаешь место одного из лучших в отечественной литературе рассказчиков. Ты с самого начала своего творчества выбрал трудный, долгий, но плодоносный путь подвижников русского слова. Имена Чехова, Бунина всегда были тебе путеводным светом. С каждым новым рассказом крепло, наливалось соками и запахами родной земли твоё самобытное художественное слово.

И посвящено твоё творчество простым людям земли русской. В твоих книгах живут, любят, страдают честные, отзывчивые на доброту люди русской глубинки — неразбавленные орловцы, как ты их сам ласково и гордо называешь. А с какой нежностью ты пишешь о русской женщине! Чего стоит только один маленький рассказ о бабушке Фросе. <...> Нужно иметь большое сердце, чтоб так писать. Ты, Иван Алексеевич, никогда не отстранялся от людей обиженных, ты всегда был и остаёшься рядом с ними. Они — твоя забота и опора. И ты доказал это своим глубоким русским художественным талантом».

КРАТКИЕ РАССКАЗЫ ИВАНА РЫЖОВА

КОНЬ ЗОЛОТОЙ

Короткий убогий день. Был — не был. Гостил — уехал. На серо-зелёном лугу стоял, прыдал, густо ржал золотой конь. Стоял, прыдал — ноги стройные, в белых чулках, бока полные, атласные, хвост волончатый, грива ржаная, длинная, ляжки тугие, точно резиновые, ноздри широкие, мокрые, тёплые, глаза карие, налитые, влажные, сам весь светло-рыжий, недоступный — сказка!

Подхожу, смотрю, трогаю — морозится, вздрагивает, напрягается... Глаза яркие, бешено-выпуклые, косят в мою сторону: вот-вот ударит литым тяжёлым копытом. И в то же время ластится, тянется мягкими влажными толстыми губами.

Ласкаюсь, шепчу, трогаю, упиваюсь... «Конь, мой конь, упоительно-близкий, родной, древний!»

А он вдруг опять трусится, ржёт, опять перебирает будылистыми, изумительно длинными ногами, напрягается, вытягивает крутую шелковистую гладкую шею. Гляжу, шепчу, даю старую засохшую корку хлеба.

Мокрый, пёстрый, волнистый луг, травы тёплые, светло-зелёные, пологие лысые бугры, уже истоптанные, небогатые; выпуклое, в редких дамасских облаках голубое небо, бледная даль; рядом тёмный шаткий деревянный мост, узкая спокойная речка, бывшая разорённая усадьба. Бегут и бегут тени, что-то шуршит, скребётся вокруг, струятся, блестят, переливаются листья редких берёз. Тоска, пустая предосенняя пора, один...

А он снова и снова гулко, весело ржёт — и окрест всё вздрагивает, наполняется неземными

звуками, и эти длинные звуки уносятся вдаль, куда-то ввысь, в поднебесье — и там натываются на что-то и медленно возвращаются... Упоительно, неповторимо! И нежно, и тревожно отчего-то на душе.

Ползут, перебирают невидимыми ножками по блёклой унылой траве нарядные божьи коровки, стороной идут, куда-то убегают телефонные столбы, тонкие провода на них то серебряные на западной стороне, то тёмные вблизи — разные; тишь, великая глушь, немота. Почти ночь. Синевархатное небо уже дырявится, прокалывается мелкими звёздами. Сверху глядит, тепло дышит плоская, с оранжевым кругом луна.

А он летит, несётся, нежно осиянный месячным светом — мой древний близкий конь, длинные атласные бока дуются, круп лоснится, рыже-белый хвост изгибается, хлестает по стройным ногам — Господи, куда деться от счастья?

А на краю цветного луга, у самой кромки ленивой речки, сидят три мужика, пьют, закусывают, тяжело сопят...

Узкая гладь воды морщится от слабого ветра, переливается на середине тусклым серебром... Сладко-холодно пахнет уже увядшей поздней травой, остро, зло кусаются зелёно-золотистые мухи... Несказанно грустная, печальная пора!

И вдруг опять ржание, звук — громкий, неожиданный, сладостный. Внутри что-то обрывается, замирает, на глаза навёртываются лёгкие слёзы. А мужики уже галдят, придираются друг к другу, о чем-то орут, чуть ли не дерутся... Что им эти закаты, дивная вековая глухая речка, этот небесный, воздушный, золотой от света конь...

Мой конь!..

Шёлковый потёртый луг, тёмно-лиловое небо, хрустальное бормотанье сонной птицы.

Медленный хруст мёртвого первобытного песка на берегу речки. Говор мужиков, это древнее ржание. Был — не был. Гостил — уехал. Куда?..

КАК ХОРОШО!

Опять наступили дни ясные, прозрачные, отрадные. Конец августа. Еду в гости. Старый автобус громыхает, дребезжат запылённые стекла, а мне хорошо. Слышу, как переговариваются, незлобиво ругаются:

— Чёрт гнутый, обижает дочь, — говорит старушка, одетая тепло, в плисовый пиджак, с двумя платками на голове: поверху тёмным дырявым, снизу белым, коротко повязанным под коричневым острым подбо-родком.

— А моя невестка из курицы яйцо выдернет силком, — жалуется другая, такая же согнутая, с большим мешком в ногах.

Уже полдень. Солнце стоит высоко, печёт в запылённые грязные окна автобуса. И бегут, бегут коротко остриженные убранные ржанные, пшеничные поля, на миг останавливает взгляд ржавое гречишное, и замирает сердце от вида тихого зеркального пруда, промелькнувшего и исчезнувшего за окошком. И этот лес по дороге — длинный, нескончаемый... А впереди — праздник, друзья детства, соседи, тетя Таня...

И я уже не слышу ничего, отключаюсь, воображаю и вижу явственно их.

Как хорошо!

РОССИЯ

Светлый чистый понедельник. Васильковое, в редких серо-жемчужных облаках небо. Вдали — уже скошенный, будто коротко подстриженный солдатский луг, игривые и томные переливы птиц. Благодать!

На деревенском лысом выгоне стоят, перепираются, громко горланят два мужика — рослые, хмельные, буро-красные от солнца, от выпитой водки:

— Раньше немцы и французы были у нас в услужении, а теперь мы у них. Понял?

— У француза ноги тонки, душа коротенька...

— Дурак ты, брат. Я не о том, понял? И хлеб привозной по своей стороне сучает, портится...

— А я об чём? С родной земли — умри, не сходи!

— Во-во! Хвали заморье, а сиди дома, понял?

— Худая та птица, которая гнездо своё марает...

— А мы мараем, понял? Бегим туда с протянутой рукой, словно побирушки...

А солнце всё ниже, всё туманнее окрестные поля, дали, вянут голоса птиц, а они всё топчутся, как гусаки, орут всё громче:

— Понял? Они были лакеями, а теперь?

Орут горячо, отрывисто, уже бешено, чуть ли не враждебно поглядывая друг на друга. Лица их напряжены, брови сдвинуты, желваки на скулах ходят ходуном — вот-вот возьмутся за грудки, кинутся в драку...

Россия...

Я

Пологий жёлто-серый скользкий берег, яшмовая ряска, спокойная стоячая вода — и я. Сижу, смотрю, улыбаюсь — солнечные блики, лёгкая рябь, пырх-пырх — мелькает, бегаёт вниз головой по серому усталому толстому стволу вяза нарядный королёк... Радостно! Вдруг всплывает, отряхивается водяная старая крыса. Сухие иголки торчком — умылась, огляделась — поплыла дальше.

В далеком синем небе птицы, гомон, близкое треньканье синиц, на руках, пиджаке божьи коровки...

Даль, синева, бутылочно-зелёная речка, вековая блаженная тишь, кроткое, умиротворенное поле, стойкий лай деревенских собак — и я.

Хорошо!.. И молюсь: «Господи, продли всё это: речку, птиц и меня в этой горькой и прекрасной жизни...»